

Бакуменко К. И.

Селище черняховської культури у с. Халимоновка Валківського району
Харківської області

На конференції «Проблеми історії та археології України» проходившій в 1999 г. в г. Харкові, один із докладів був посвящений знахідкам речей черняховської культури на території Валківського району Харківської області [5, с.51]. Нас зацікавила серія предметів, що походять із околиць пгт. Ковяги, включаючи два срібляних динарія з портретами імператора Марка Аврелія, п'ять бронзових фібул, фрагмент срібляної фібули, бронзову пряжку, залізний ніж, наконечник дротика, фрагменти скляних посудів, глиняне пряслице, предмети із кістки.

Одна із бронзових фібул відноситься до категорії провінційно-римських прикрас з високим приймачем игли (група VII класифікації О. Альмгрена, група 18 класифікації А. К. Амброза) [12, с.91-95; 1, с.72-73]. Вона має відносно невисокий, майже прямо срезаний приймач, напівкруглу в сеченні спинку з коленчатою вигибом в нижній частині та чотири накладних кільця з рубчастою насечкою – по два на спинку та ніжці. Ігла та пружинний апарат відсутні (Рис. 1).

Знахідки подібних фібул ілюструють початковий етап проникнення провінційно-римського черняховського впливу на територію Дніпровського Левобережжя [8, с.114]. Час їх використання припадає на середину-фінал 1-ої (Ружичанської) фази з подальшим заходом до 2-ю (Бережанську) фазу черняховської культури (270-330 гг.) [6, с.42-44].

Чотири бронзові фібули належать до серії вигнутих двучленних підв'язних застіжок (група 16 серія 2 по А. К. Амброзу). Обломок застіжки типу Б1а (за класифікацією Е. Л. Гороховського) є сильно вигнутою лускоподібною форми трикутну в розрізі спинку з площадками в нижній та верхній частині, ніжка обломана, игла та пружинний апарат відсутні (Рис. 2). Фібули типу Б1а зустрічаються в комплексах 2-ої (Бережанської) та 3-ї (Косановської) фаз черняховської культури, які сумарно відносяться до кінця III-третьої чверті IV вв. [6, с.44-45].

Фібула типу Б26 має напівкруглу в сеченні спинку з площадками в верхній та нижній частині, звужуються до кінця ніжку з площадкою в верхній частині. Приймач обломан, игла та пружинний апарат відсутні. В перемичці між спинкою та ніжкою збереглися два витки підв'язки, утримувачів приймач (Рис. 3). Фібули типу Б26 зустрічаються в комплексах 2-ої (Бережанської) фази та продовжують існувати до 4-ої (Масловської) фази черняховської культури (кінець III-друга половина IV вв.) [6, с.44-45].

Фібула типу Б36 має коленчато-вигнуту в верхній частині напівкруглу в сеченні спинку з площадкою в нижній частині. В верхній частині площадка вигравірована прямою горизонтальною лінією. Ніжка плавно звужується, має слабо виражену площадку в верхній частині. Приймач обломан, игла та пружинний апарат відсутні. В перемичці між спинкою та ніжкою збереглися витки підв'язки, утримувачів приймач (Рис. 4). Фібули типу Б36 найбільш характерні для 4-ої (Масловської) та 5-ої (Журавської) фаз черняховської культури (друга половина IV-початок V вв.) [6, с.44-45].

Фібула типу Б3е має прямокутну в сеченні плавно вигнуту спинку з площадкою в нижній частині, на якій вигравірована горизонтальна лінія. Ніжка плавно звужується, має слабо виражену площадку в верхній частині. Приймач обломан, игла та пружинний апарат відсутні. В перемичці між спинкою та ніжкою збереглися два витки підв'язки, утримувачів приймач (Рис. 5). Найбільш ймовірною датировкою фібул типу Б3е можна вважати останню чверть IV-першу третю V вв., так як застіжки з аналогічним сеченням спинки відомі виключно для комплексів 5-ої (Журавської) фази черняховської культури.

Фрагмент маленької срібляної двупластинчастої фібули є сильно пошкодженою верхньою щитком з частинкою трикутної в сеченні спинки. На вертикальний шип в верхній частині щитка насажено колечко. На зворотній стороні щитка розташована поперечна вертикальна пластина з двома отворами, служившими для кріплення двохосного пружинного апарату (Рис. 6). Дві подібні срібляні двупластинчасті фібули були знайдені в похованні №3 могильника Родної Край [9, рис.5,3]. Двупластинчасті фібули отримали широке поширення в 4-ої (Масловської) та 5-ої (Журавської) фазах черняховської культури [6, с.44-45].

Бронзова литая калачикоподібна пряжка має трикутну в сеченні сильно загнуту язичок (варіант Г4 за класифікацією Е. Л. Гороховського). Обойма, з допомогою якої пряжка кріпилася до ремня, виготовлена із тонкого бронзового листа (Рис. 10). Пряжки серії Г отримали широке поширення в 4-ої (Масловської) фазі черняховської культури (друга половина IV в.) [6, с.44].

Залізний ніж має пряму, звужуються до основи, рукоятку, прямокутну в сеченні. В середній частині рукоятки збереглися стержень-штифт, з допомогою якого до рукоятки кріпилися з обох сторін накладки із органічного матеріалу (дерево, кістка). Робоча частина розташована з невеликим нахилом до рукоятки, має пряму спинку та звужуються до гострої лезві. Остріе ножа обломане. Загальна довжина предмети 11,7 см, довжина рукоятки 6 см (Рис. 7). Наконечник дротика откований із заліза, в сеченні призматичний. Перо має листоподібну форму. Втулка та острие наконечника обломані. Збережена довжина 11,5 см, максимальна ширина пера 3 см (Рис. 8).

Фрагмент одного скляного посуду є венчиком чарки світло-білого кольору з майже вигнутим краєм, діаметром 7,2 см та товщиною стінки 0,25 см [4, рис.1,5]. Він належить до серії порівняно тонкостінних посудів, виготовлених в техніці «тихої дуги» в керамічних або каменних формах з гарячим декором або холодним шліфуванням поверхні. Подібні посуду широко

представлены находками из Северного Причерноморья, римских военных лагерей на Дунае, среди продукции Комаровской мастерской в Приднестровье, очевидно, имеют местное северно-причерноморское происхождение и в общих чертах датируются III в. [10, с.148; 2, табл.71]. Второй фрагмент представляет собой стенку кубка светло-зеленого (оливкового) цвета, изготовленного путем отливания стеклянной массы в специальные формы, с последующей холодной обработкой поверхности. Сохранились следы вышлефованного круга. Толщина фрагмента – 0,6 см [4, рис.1,17]. Такие сосуды использовались населением черняховской культуры с середины IV до рубежа IV-V вв. [6, с.44]. Биконическое глиняное пряслице серого цвета сплюсненной поверхностью украшено в средней части косыми насечками (Рис. 9).

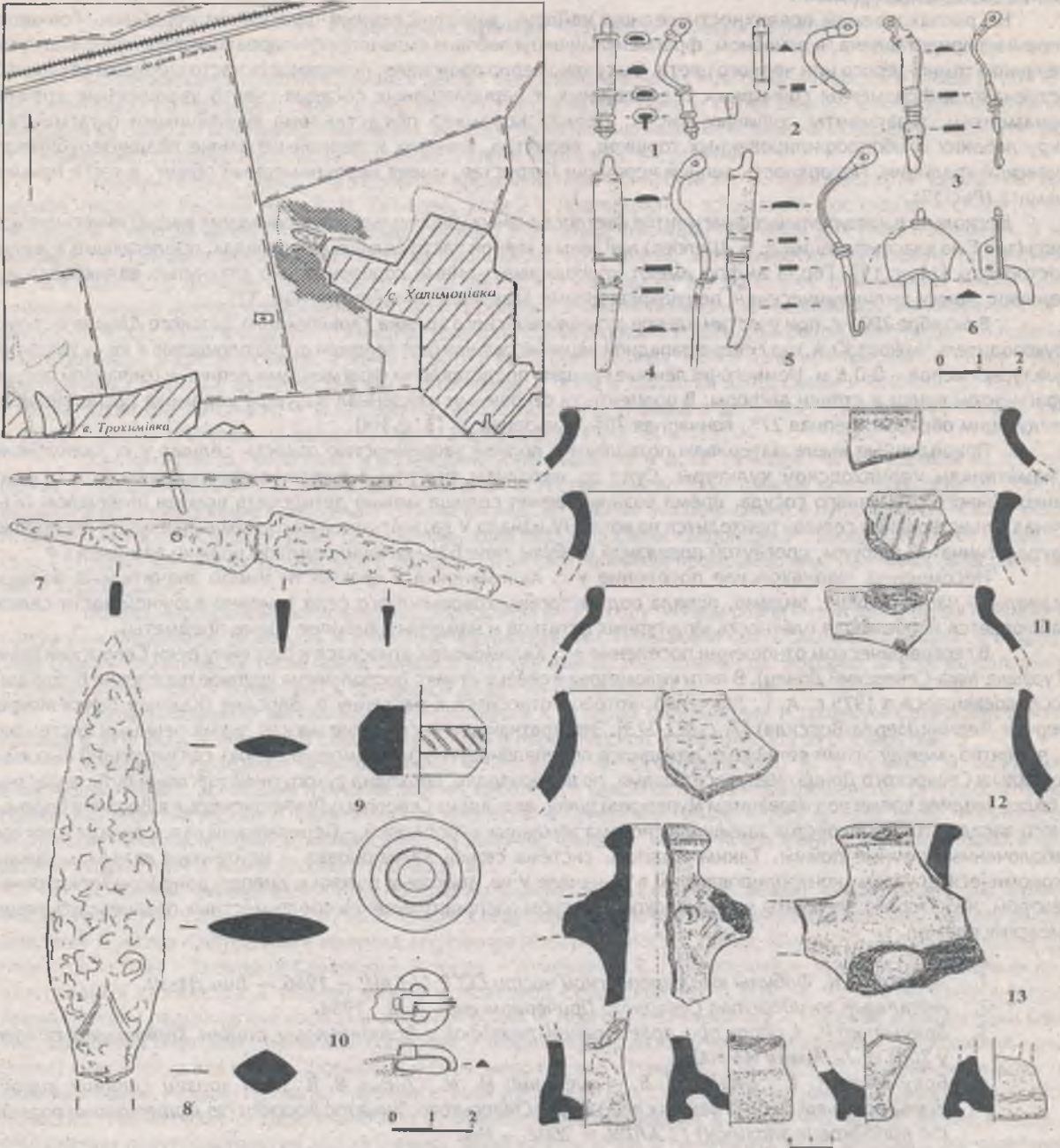

Рис.1 Материалы с селища черняховской культуры у с. Халимоновки

1-5 – фибулы (бронза); 6 – фрагмент двухпластинчатой фибулы (серебро); 7 – нож (железо); 8 – наконечник дротика (железа); 9 – пряслице (глина); 10 – пряжка (бронза); 11 – фрагменты венчиков гончарной керамики (глина); 12 – фрагмент венчика лепного сосуда (глина); 13 – фрагменты горлышек и ножек светлоглиняных амфор (глина).

Костяные изделия представлены круглым в сечении заостренным с одного края костяным стержнем (длина 10 см, диаметр 6 мм), поверхность которого заполирована до блеска, и вырезанным из трубчатой кости игольником (длина 8 см, диаметр 1,2 см).

В сентябре 2001 года осмотр места находок, проводившийся в ходе инвентаризации памятников археологии, истории и монументального искусства Валковского района, позволил зафиксировать наличие селища.

Селище расположено на склоне первой надпойменной террасы ручья впадающего в р. Турушка — левую притоку р. Мжа, вблизи северо-восточной окраины с. Халимоновка Ковяжского сельсовета. Площадь селища 500x400 м, в настоящее время селище интенсивно распахивается, часть селища, прилегающая вплотную к селу, занята частными огородами.

На распахиваемой поверхности селища найдены многочисленные фрагменты керамики. Гончарная керамика представлена, в основном, фрагментами округлобоких сильнопрофилированных горшков с отогнутым венчиком темно-серого или черного цвета. Она равномерно обожжена, поверхность часто шерховатая (Рис. 10). Встречаются фрагменты гончарных серолощенных и чернолощенных сосудов, часто украшенные врезным орнаментом, фрагменты лощеных мисок. Лепная керамика представлена единичными фрагментами округлобоких слабопрофилированных горшков, вероятно, близких к лепной керамике позднезарубинецко-киевской традиции. Поверхность лепной керамики бугристая, имеет неравномерный обжиг, в тесте примеси шамота (Рис. 12).

Несколько выразительных фрагментов светлоглиняных узкогорлых позднеримских амфор инкерманского типа (тип F по классификации Д. Б. Шелова) найдены в южной части селища на огородах, прилегающих к жилым постройкам [11, с.19]. Горла амфор имеют хорошо выраженные горизонтально оттянутые валикообразные венчики, ножки цилиндрические с полушаровидными завершениями внутри (Рис.13).

В октябре 2001 г. при участии членов археологического кружка Харьковского Детского Дворца культуры (руководитель Чижова Ю.А.) на северо-западной окраине селища был заложен шурф площадью 4 кв.м. Мощность культурного слоя — 0-0,6 м. Немногочисленные находки представлены фрагментами лепной и гончарной посуды, фрагментом ручки и стенки амфоры. В процентном отношении найденная в шурфе керамика распределяется следующим образом: лепная 27%, гончарная 70%, амфорная 3% [3, с.3-4].

Приведенные выше материалы позволяют с полной уверенностью отнести селище у с. Халимоновка к памятникам черняховской культуры. Судя по находкам фибулы с высоким приемником и фрагмента танкостенного стеклянного сосуда, время возникновения селища можно датировать концом III-началом IV вв. Финал существования селища приходится на конец IV-начало V вв. и отмечен находками фрагмента серебряной двупластинчатой фибулы, прогнутой подвязной фибулы типа Б3е, калачиковидной пряжки варианта Г4.

Несомненно, черняховское поселение у с. Халимоновка в древности имело значительно большие размеры — часть селища, видимо, попала под застройку современного села (именно в южной части селища наблюдается наибольшая плотность культурных остатков и найдены наиболее яркие предметы).

В географическом отношении поселение у с. Халимоновка относится к бассейну реки Северский Донец (Турушка-Мжа-Северский Донец). В пяти километрах к северу от него расположено крупное поселение Войтенки-I, исследовавшееся в 1975 г. А. Г. Дьяченко, которое относится к бассейну р. Ворскла (Казачья балка-Мокрый Мерчик-Мерчик-Мерла-Ворскла) [7, с.322-323]. Это кратчайшее расстояние между двумя речными системами, и, вероятно, между этими селищами находился перевалочный путь (возможно волок) связывающий бассейны Ворсклы и Северского Донца. Между селищами, по водоразделу, проходил сухопутный торговый путь, известный в более позднее время под названием Муравский шлях, ведущий из Северного Причерноморья в Верхнее Подонье. С юго-запада этот перекресток защищала система земляных укреплений — Перекопский вал, с запада и востока заболоченные речные поймы. Таким образом, система селищ Халимоновка — Войтенки-I являлась важным экономическим узлом, контролируемым в IV-начале V вв. торговые потоки в днепро-донецком междуречье, центром, из которого элементы черняховской культуры распространялись среди местных позднезарубинецко-киевских племен.

1. Амброз А. К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1-30.
2. Античные государства Северного Причерноморья. — М., 1984.
3. Бакуменко К. І. Звіт про археологічні розвідки у Валківському районі Харківської області у 2001 р. // Архів ІА НАНУ.
4. Бакуменко К. І., Бейдін Г. В., Григорьянц М. М., Дідик В. В. Нові зразки скляних виробів пізньоримської доби із верхніх водозборів Сіверського Дінця та Ворскли (за матеріалами розвідок та випадкових знахідок) // АЛЛУ. — 2002. — №1.
5. Бейдін Г. В., Григорьянц М. Н., Смирнов В. А. Находки нестандартных типов фибул на памятниках черняховской культуры Валковского р-на Харьковской обл. // Проблемы истории та археології України. — Харьков, 1999.
6. Гороховский Е. Л. Хронология черняховских могильников Лесостепной Украины // Труды V МКАС. — Т.4. — К., 1988.
7. Дьяченко А. Г. Исследования на Харьковщине // Археологические открытия 1975 года. — М., 1976.
8. Любичев М. В. Фибулы с высоким приемником и начало провинциально-римских черняховских влияний на днепро-донецком водоразделе // Археология и древняя архитектура Левобережной Украины и смежных территорий. — Донецк, 2000.
9. Петренко Е. Н. Новые могильники черняховской культуры в бассейне Северского Донца //

Археология славянского юго-востока. — Воронеж, 1991.

10. Щапова Ю. Л. Очерки истории древнего стеклоделия. — М., 1983.

11. Шелов Д. Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. — 1978. — №156.

12. Almgren O. Studitn uber nordoropaische Fibultormen der ersten nachchristlichen jahrhunderts mit Btruchsichiqnq der provinzialromischen und sudrussishen Formen // Mannus Bibliotek. — №32. — Leipzig, 1923.

Духопельников В. М.

Северщина времен «Слова о полку Игореве»

Более восьми столетий отделяет нас от бесславного похода новгород-северского князя Игоря и его родственников на половцев. Этот поход, как десятки, а может быть и сотни других, совершаемых русскими князьями на соседей кочевников-половцев, остался бы незамеченным; не оставь нам современник поэтическое произведение, ставшее известным широкой публике через шесть столетий.

Действительно, мимо этого события прошли авторы «Синописа», М. Ломоносов, М. Щербатов: Автор первой «Истории Российской» В. Н. Татищев, хотя и с протокольной точностью, воспроизвел свидетельства летописей о походе князя Игоря, однако для него этот поход выглядел обычным для своего времени. В тоже время В. Н. Татищев высказывает интересную мысль, на которую мало обратили внимание последующие исследователи. В третьем томе своего труда он пишет: «Дошедше же до станов половецких, много полона набрали и ночью некоторых привели к полкам Игоревым, а сами с полками, не возвратясь, остановились на том месте» [7, т.3, с.135]. Слова В.Н. Татищева находят подтверждение во Владимирском летописце: «И побежени бысть половцы, и взяша их вежи, и жены, и дети и все в полон взяша, и стоя на вежах три дни веселяся и ркучи: «братья наша ходила с великим князем Святославом..., а мы в землю их вшед самих избили...» [5, т.30, с.75], и Радзивилловской летописи: « И побежени бывше половцы. И биша я до вежь, и множество полона взяша и женъ и детеи. И стояша на вежах три дни, веселяшеса » [5, т.38, с.151].

Таким образом, летописи, а в середине XVIII столетия и В. Н. Татищев, четко указали на основную причину поражения Игоря. В этой связи возникает естественный вопрос: почему исследователи не обратили внимание на приведенные сообщения? На наш взгляд, во многом это объясняется публикацией «Слова о полку Игореве», которое, пожалуй, даже больше, чем известная в то время «Задонщина», вызвало интерес к прошлому своей страны, заставило задуматься о прошлом и искать причины происшедшего. Причины, действительно, были серьезными.

После смерти князя Мстислава Владимировича в 1132 году на Руси разгорается длительная война между потомками Владимира Мономаха и князьями черниговскими, потомками Святослава Ярославича. В водоворот этой борьбы практически были вовлечены все русские княжества, количество которых за вторую половину XII столетия увеличилось более чем в три раза и достигло пятидесяти.

Такое положение заставляет нас обратиться к истории становления и развития Северской земли и, прежде всего, выяснению роли северских князей в политической жизни Русского государства.

К данной проблеме обращались Д. И. Багалеи, М. С. Грушевский, Б. Д. Греков, Б. А. Рыбаков, в последние годы С. Д. Федака и многие другие, проблема в целом осталась неразрешенной. Они рассматривали социально-экономические и политические процессы в Северской земле через призму своих политических интересов, не останавливаясь, казалось бы, на мелочах, однако, с нашей точки зрения, важных деталях в жизни данной территории и всего русского государства.

Вспомним, что еще в 1054 году Ярослав Мудрый разделил Северскую землю: «а Святославу даю Чернигов, а Всеволоду Переяславль» [4, с.175]. В начале следующего столетия Северщина подверглась новому разделу: младший Ярослав Святославич получил Муромо-рязанскую волость, Давид получил «большое княжение» — Чернигов, а Олег — Новгород-Северский. И тогда, — отмечает М.С. Грушевский, — начался раздел земли на эти два главных княжества — Черниговское и Новгород-Северское [1, с.318]. К Черниговскому княжеству принадлежали радимичские города и земли вятичей. К Новгород-Северскому — Посемье и район реки Сновы. Так, Святослав Ольгович, князь новгородский, говорит черниговскому князю Владимиру Давидовичу: «держи отчину мою и тогда вся взя ис Посемьемъ и Сновскую тысячу у Изяслава» [5, т.2, с.269]. Меньшими волостями являлись Вщиж, Рильск, Путивль, Трубчевск. Ими управляли взрослые князья из некогда единой черниговской династии. По меткому определению М. Грушевского, это приводило к тому, что черниговские князья «на протяжении полуторастолетия все старались захватить «что-то» и расширить свои волости». Их политику он охарактеризовал как агрессивную [1, с.324].

В эту борьбу были вовлечены многие соседние страны, в их числе и половцы, традиционно поддерживавшие черниговских князей. «Затихла борьба князей с погаными, ибо сказал брат брату: «Это мое, и то мое же», — с болью указывал автор «Слова о полку Игореве», — И стали князья про малое «это великое» молвить и сами себе беды ковать, а поганые со всех сторон приходили с победами на землю Русскую». [3, с.131-132]. Именно в этот период заключается союз Святослава Ольговича с Юрием Долгоруким, который, во многом, изменил экономическое положение и политическую обстановку на Руси. Однако нельзя согласиться с утверждением С. Д. Федака, что этот союз произвел раздел Руси по линии метрополия-колония [8, с.161]. Нам представляется, что автор не совсем четко усвоил понятия «метрополия» и «колония» и в документах не найдет подтверждение того, что в указанное время Ростово-Суздальская и Черниговская земли являлись колониями Киева. Скорее сила и союз ростово-суздальского князя с половцами создавали благоприятные условия